

Плюснин Ю.М.

ПСИХОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (парадоксы сельской “экономики выживания”)

Глубокий кризис экономической жизни России, отчетливо видимый всеми нами в городе, затронул, конечно, и село, но наблюдаем мы его проявления здесь куда как реже, да и значительно меньше знакомы со всеми последствиями кризиса сельской экономики, хотя этот процесс продолжается уже более пяти лет, со времени развала колхозов. Эти последствия носят многообразный характер, они относятся не только и даже не столько к отдельным составляющим экономики, сколько ко всему укладу жизни сельского жителя.

На значительной части пространств Европейской России и Сибири произошло превращение сельской товарной экономики в простую материальную жизнь. А материальная жизнь имеет отношение к рыночной экономике примерно такое же, как изгородь вокруг дома к городской крепостной стене: исторические основания одни, но функции слишком различны. Материальная жизнь есть по преимуществу или исключительно всего лишь обеспечение собственного выживания (см., напр. [1]).

Внезапный переход от рыночной экономике к простой материальной жизни, как всякая резкая перемена, повлек за собой и определенные психологические деформации. Эти психологические изменения имели первоначальное значение непосредственных адаптивных реакций на острые “стрессогенные” воздействия, идущие со стороны разрушающейся экономики. Процесс во многом насильственной деградации товарного хозяйства вынуждал экономических субъектов (каковыми стали неожиданно для себя каждая крестьянская семья, каждый крестьянин в отдельности) к таким приспособительным реакциям, которые нередко приобретали парадоксальный характер.

Парадоксальность поведения, вызванного резкими разрушительными изменениями в структуре хозяйствования, приобретая значение психологического механизма жизнеобеспечения (который вынуждено явился на замену экономическим механизмам жизнеобеспечения), далеко не всегда осознавалась и осознается самими его носителями. Напротив, формирование такого поведения приобретало массовый характер и оценивалось людьми как наиболее рациональный и оперативный ответ, единственно благодаря которому минимизировались последствия катастрофических разрушений.

Из достаточно большого списка специфических — парадоксальных с позиций рационального мышления — ответов сельского сообщества на разрушение существовавшей ранее структуры хозяйствования я выбрал для об-

суждения в данной статье два примера. Как мне кажется, эти примеры демонстрируют с двух совсем разных, но тесно взаимосвязанных и имеющих основополагающее значение сторон — с точки зрения *воспроизводства* человека и с точки зрения его *физического сохранения* — насколько поведенческие и психологические механизмы, формирующиеся в период развития процесса по катастрофическому типу, оказываются неадаптивными и лишены рационального обоснования, хотя в то же самое время самим субъектам они представляются и рациональными и приспособительными.

Настоящий период развития социальной и экономической жизни действительно можно с полным основанием считать “точкой бифуркации”, катастрофой (см., напр. [9, с. 514-519, 483-484]). А в такой ситуации даже наиболее последовательные и рациональные действия субъектов не ведут к предсказуемому поведению системы в целом и, более того, не уменьшают хаотичность развития процесса. Таким образом, приводимые примеры можно рассматривать и как простые иллюстрации катастрофы.

Исследования проведены в октябре 1994 г. в северных районах Горного Алтая (14 населенных пунктов Майминского, Чойского и Турочакского районов) и в сентябре 1995 и в июле-августе 1996 г. на Русском поморском Севере (23 населенных пункта — 10 непосредственно обследованы — на северном, западном и южном побережьях Белого моря, административно подчиненных Карелии, Мурманской и Архангельской областям).

Основные выборки образованы лицами, от которых получена информация о проблемах сельской жизни с помощью структурированного интервью и “Анкеты эксперта села”. Выборки формировались случайным образом, однако, с коррекцией по половозрастным когортам и социально-профессиональным группам. Общая численность опрошенных с помощью “Анкеты эксперта села” и в интервью в селах Горного Алтая составила 254 человека (111 мужчин и 141 женщина) в среднем возрасте 40 лет (19 — 74). Выборка в поморских селах Русского Севера составила 193 человека (89 мужчин и 104 женщины) в возрасте 45 лет (17 — 93).

Интервьюируемому предлагалось осветить проблемы своего села и района, собственные проблемы и проблемы своей семьи, вспомнить прежнюю жизнь и оценить перспективы ближайшего и отдаленного будущего. По возможности (в зависимости от осведомленности, готовности к взаимодействию и личных характеристик человека) затрагивались все основные вопросы: идеологические и политические, правовые и экономические, социально-демографические и культурные, национальные и исторические, проблемы воспитания и образования.

Для изучения различных аспектов организации сельской жизни применялся “Паспорт села”, данные в который заносились из похозяйственных книг и/или со слов компетентных лиц (главы сельских администраций, секретари, инспектора, бригадиры, интеллигенция).

Один из таких парадоксов “экономики выживания” был зафиксирован нами в селах северных районов Горного Алтая. Связан он с двумя фундаментальными потребностями человека: его физическим существованием и воспроизводством. Начиная с 1992 г. повсюду начались неплатежи и задержки зарплаты. Совпадение этого процесса с “превращением” совхозов и колхозов в АО привело к тому, что средняя месячная зарплата в алтайском селе даже в 1994 г. составляла 18 000 рублей (даже доярки получали всего 32 000 рублей, а начальник МТС — 58 000 рублей). В то же самое время государственные служащие — администрация и учителя — имели зарплату на уровне 200 000 рублей. Катастрофическое отсутствие денег при том, что этого люди располагали достаточно значительными средствами привело к судорожным попыткам как-то найти выход. Традиционный способ — выращивание скота и его продажа на мясо заготовителям — именно в эти годы дал сбой и скот пришлось резать для себя. Другой способ оказался радикальным и непредсказуемым.

Люди стали рожать детей. И это произошло в условиях развала всей экономики села, при угрозе полного разрушения инфраструктуры села, когда было отключено электричество и радио, другая связь, стало невозможно обеспечить себя в полной мере топливом. Во всех селах респонденты свидетельствовали, что немалое число семей предприняли этот акт отчаяния, вызванный тем, что на детей исправно платили пособие (в 1993-94 гг. в размере 26 000 рублей в месяц за каждого ребенка, что было выше средней зарплаты, которую часто не платили вообще).

Достоверность этой информации, которая была поначалу расценена как преувеличение, вызванное всегдашней склонностью людей пожаловаться на свою жизнь, нашла, однако, статистическое подтверждение. Общий спад естественного прироста населения страны, который к 1992 г. стал отрицательным, захватил и сельское население. Локальные данные динамики населения как на Русском Севере, так и в Горном Алтае с теми или другими особенностями этот процесс воспроизводят (см. рис.; обобщенные данные по сельскому населению получены по [4]). Однако обратите внимание на резкий скачок вверх показателя естественного прироста в Горном Алтае в 1992 г. Он был вызван именно ростом рождаемости. Период был, как видим, очень непродолжительным, в обобщенных статистических показателях он никак не проявится, но тем показательнее его значение. Это пример проявления чисто психологического механизма жизнеобеспечения крайними средствами. Так можно выживать только в самых экстремальных случаях. Положение людей на севере Горного Алтая в те годы было именно таким — выживание изо всех сил и любыми средствами.

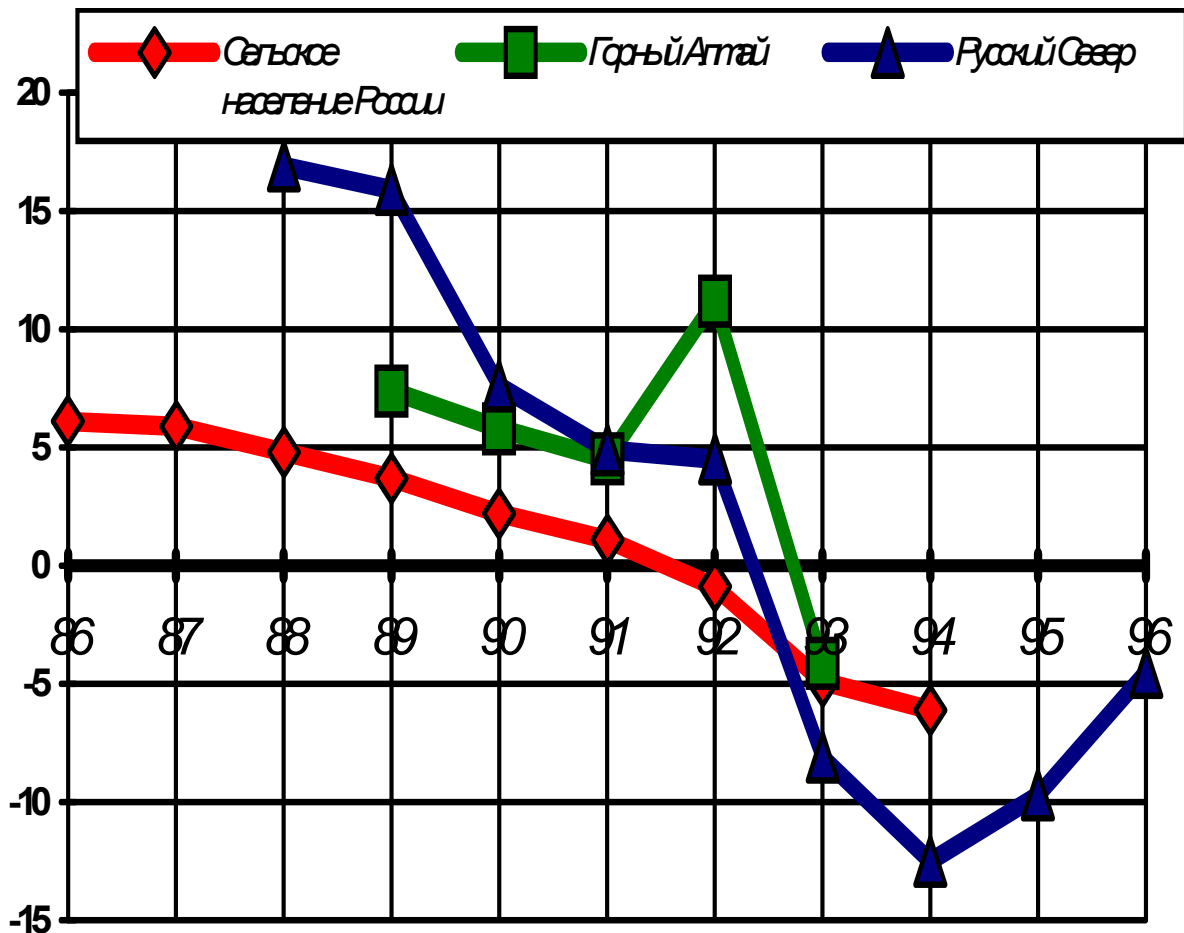

Рисунок. Динамика естественного прироста сельского населения (число родившихся на 1000 жителей) в северных районах Горного Алтая (1989-1993 гг.), на Русском Севере (1988-1996 гг.) и в целом по России

Динамика естественного прироста населения на Русском Севере заметно отличается в худшую сторону даже на фоне в целом неблагоприятной картины. В отличие от сел Горного Алтая, где еще значительна доля репродуктивно-активного населения и не так велика доля пенсионеров (табл. 1), на Русском Севере эта доля составляет сейчас всего 1/10 взрослого населения. На 30 — 100 семей, составляющих село приходится только от 1 до 10 семей в репродуктивном возрасте. Поэтому неудивительно, что в 1996 г. в 10 обследованных селах на 912 семей пришлось менее 10 рождений (при том, что уровень смертности составил до 5 — 10 человек на 1 село). Другая причина такой катастрофической ситуации: нарастание неблагоприятной тенденции в соотношении полов лиц репродуктивного возраста. Численность молодых мужчин в некоторых селах превышает численность их сверстниц на порядок.

**Состав населения в сельской местности
Горного Алтая и Русского Севера *)**

№ пп	Наименование показателя	Горный Алтай	Русский Север
1	Общая численность обследованного населения	3124	2412
2	Средняя численность жителей в селе	284 ±46 N=11	268±132 N=9
3	Доля взрослого населения, %%	65,2	71,4
4	Доля пенсионеров, %%	17,6	26,3
5	Общее число семей в обследованных селах	1070	912
6	Средняя численность семьи, чел.	2,92	2,64

Примечания: *) данные по 14 селам северных районов Горного Алтая получены в октябре 1994г. (Майминский, Чойский и Турочакский районы), по 10 поморским селам Русского Севера — в июле-августе 1996г. (Мурманская, Архангельская области и Карелия).

Другой из отмеченных нами парадоксов “новой сельской экономики” будет более интересен экономистам. В естественных науках широко распространен методический принцип, согласно которому для того, чтобы наиболее полно выявить и описать какой-либо процесс, нужно создать экстремальные условия, поставить “острый” опыт. По-видимому, это остается верным и для общества. “Острый” опыт, объектами которого все мы явились, в разных группах общества привел к своеобразным механизмам отреагирования. Сравним как это произошло на Алтае и на Русском Севере.

Важной особенностью, повлекшей за собой и многие другие процессы, явилось то, что на Алтае колхозы и совхозы были ликвидированы к 1992 г. и каждое село осталось без тех элементов инфраструктуры, которые традиционно поддерживались колхозами (в конечном счете, это все без исключения основные элементы). Отдельные семьи внезапно и сразу оказались брошенными на произвол судьбы, оставлены выживать в одиночку, хотя еще вчера они были надежно защищены в лице как колхоза, так и государства.

Алтайские хозяйства отличались достаточно узкой специализацией в области молочно-мясного животноводства; в лесной зоне Горного Алтая не развито ни овцеводство, ни растениеводство и полеводство. Дополнительными видами деятельности, которые носят по преимуществу частный характер, являются охотничий промысел, заготовка дикоросов, коневодство и свиноводство. Устойчивость хозяйств к разрушению в условиях экономического кризиса оказывается при такой узкопрофильности незначительной, что и проявилось в очень короткие сроки.

Экономическая ситуация в поморских селах Русского Севера носит прямо противоположный характер. Здесь сохранились все рыболовецкие колхозы, на плечах которых продолжает держаться инфраструктура села в той мере, в какой колхозы способны ее поддерживать. Для северных колхозов была характерна многопрофильность хозяйственной деятельности и они в большинстве своем продолжают ее сохранять. Практически каждый колхоз осуществляет не менее десятка хозяйственных направлений, что, несомненно, дает достаточно широкие возможности для приспособления в трудных экономических условиях. Наиболее важной и доходной статьёй является лов рыбы в Атлантике, который ведет каждый колхоз. Кроме этого ведется и рыбный промысел на беломорской акватории, а также местный лов на прибрежных тонях. Морской пушной промысел ведется по припайному льду поблизости от села, а до недавнего времени забой бельков осуществлялся и в Горле Белого моря. Помимо этой — основной для северных хозяйств деятельности — достаточно широко осуществлялись заготовка водорослей, лесозаготовки и лесоразработки, звероводство и охотничий промысел, заготовка дикоросов. Животноводство и полеводство выполняли всегда роль подсобного хозяйства как в самом колхозе, так и в жизнеобеспечении отдельных семей.

Материальная жизнь людей, поскольку она была погружена и подчинена организационным хозяйственным формам в лице колхозов и совхозов, быстро отреагировала как на их разрушение (в случае сел Горного Алтая), так и структурные изменения (в случае поморских сел). Но эти изменения имеют ярко выраженные различия. В первом случае в Горном Алтае произошло формирование механизмов жизнеобеспечения сельского сообщества, основывающихся на принципе *самодостаточности и автономности*; во втором же, на Русском Севере — наблюдается *редукция и подчинение внешним экономическим субъектам* всей структуры жизнеобеспечения села и каждой отдельной семьи, формирование комплекса связей *зависимости*.

В чем конкретно это выражается? Разрушение централизованных социально-экономических связей, развал всего колхозно-совхозного хозяйственного механизма, резкий рост безработицы и неплатежи, охватившие не только активное население, но и пенсионеров, привели к тому, что немногие сформировавшиеся на первом этапе реорганизации сельской экономики кооперативные и фермерские крестьянские хозяйства очень быстро стали банкротами. Большинство же крестьян не откликнулись на “веление времени” и не пошли по этому пути. Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. Такое приспособление наблюдается повсеместно на Русском Севере. В стратегическом отношении оно неадаптивно, но исходит из рациональных мотивов и

является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям.

Среди элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили только очень немногие, а чаще всего только один: атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика — от 400 тыс. рублей в Карелии и Архангельской области до 1000 тыс. рублей в Мурманской области — но стабильна. Более того, колхозники удовлетворяются этим уровнем: очень немногие идут в качестве рыбаков на собственные суда, хотя зарплата здесь на порядок выше, чем на берегу (составляя в среднем около 4 млн. рублей). Колхоз вынужден вербовать команды на суда в Эстонии и на Украине, в то время как свои работники пребывают без дела в селе. Животноводство, сенокос и полевые работы давно приобрели значение “социальных работ” (даже и в глазах самих колхозников), поскольку не только не приносят дохода, но убыточны. Поэтому в селах нет или крайне невелико молочное стадо, совсем нет свиней, очень мало овец и коз. Сенокосы зарастают и не используются. Даже выращивание картофеля сократилось повсеместно очень сильно. Жители проявляют большую или меньшую активность только в заготовках водорослей, частной рыбной ловле, охоте, сборе дикоросов.

Все еще достаточное развитие структуры присваивающего хозяйства на Русском Севере (но уже не удовлетворяющее базовые потребности населения) сопровождается атрофией частного подсобного хозяйства. Это очень хорошо видно из приводимой ниже таблицы 2, где представлены сравнительные данные по структуре и уровню развития крестьянского хозяйства на Русском Севере и в Горном Алтае. Специфика жизни преимущественно за счет моря приводит к недоразвитию многих элементов подсобного хозяйства, хотя экономические и природные условия для этого есть. Поморы продолжают сохранять основные черты частной хозяйственной жизни, которые присущи им были еще 150 и более лет (см., напр.: [1, 7]). Как можно видеть, в среднем на 1 человека на Русском Севере приходится всего около 1,4 соток пахотной земли, тогда как минимально необходимая площадь при условии полного самообеспечения составляет около 1 десятины (10 соток) даже в средней полосе [5, 8]. Суммарное количество голов домашнего скота не достигает и 0,3 на 1 человека, хотя необходимый уровень — не менее 1 головы на 1 человека.

То количество скота, которое, как мы видим из табл. 2, имеется в поморских хозяйствах, конечно, никоим образом не может обеспечить существование семьи. В селе, где проживает в среднем 100 семей, всего только 1-2 семьи держат коров; практически никто не выращивает свиней (на 912 обследованных семей приходится всего 5 свиней). Необходимый минимум мясных

продуктов обеспечивается прежде всего за счет морского промысла и, по-видимому, охоты (по крайней мере охота, по словам респондентов, доставляет до 1/3, а скорее всего и большую долю, всего потребляемого мяса). Наблюдаемая ситуация весьма соответствует той, что зафиксирована была в середине XIX — начале XX вв. (см., напр. [5, 10]).

Таблица 2

Структура частного подсобного хозяйства сельского населения Горного Алтая и Русского Севера (площадь сельхозугодий и численность голов скота в пересчете на 1 семью и 1 человека)

№	Наименование параметра	Горный Алтай		Русский Север	
		на семью	на 1 человека	на семью	на 1 человека
1	Площадь с\х угодий в частном пользовании, га	3,47 N=644 *)	1,19	**)	
2	в т.ч. пахотной земли, га	0,22 N=475	0,075	0,037 N=792	0,014
3	сенокосов, га	1,98 N=499	0,68	**)	
4	пастбищ, га	1,27 N=499	0,43	**)	
5	Средняя численность всех видов скота, голов	3,53 N=707	1,21	0,71 N=350	0,26
5	Среднее число голов КРС (коровы)	1,84 N=1070	0,63	0,09 N=350	0,03
6	Среднее число лошадей	0,54 N=707	0,18	0,02 N=912	0,008
7	Среднее число голов свиней	0,66 N=1070	0,23	0,055 N=1070	0,02
8	Среднее число голов овец и коз	0,49 N=1070	0,17	0,54 N=850	0,20
9	Среднее число штук птицы (куры, утки, гуси)	3,83 N=1070	1,31	0,17 N=912	0,06

Примечания: *) N — суммарная численность семей в селах, по которой рассчитан данный показатель; похозяйственные данные по ряду сел отсутствуют; пересчет на 1 человека велся исходя из средней численности семьи (см. табл. 1);

***) общая площадь сельхозугодий в частном хозяйстве на Русском Севере не может быть точно определена, поскольку жители пользуются сенокосами и пастбищами колхоза; поскольку хозяйство крайне редуцировано, площадь сельхозугодий в пересчете на семью и 1 человека примерно соответствует уровню различий в численности голов скота, который в 5 раз выше в Горном Алтае по сравнению с Русским Севером.

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения в современных условиях глубочайшего кризиса привело к формированию любопытных, если не

сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и не имеет работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время имеет возможность получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как своеобразная *рента* от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду имущества — судов.

Значение нынешнего заработка колхозников в качестве *ренты* подтверждается тем фактом, что люди в массе своей не желают использовать другие возможности для поддержания и повышения благосостояния семьи, а нередко вообще не желают работать. Сформировалась *психология рантье*, которая на уровне обыденного сознания достаточно быстро закрепились, нашла идеологическое обоснование и в нынешних условиях как механизм ситуативно-ценный начинает успешно вытеснять прежние социально-психологические механизмы жизнеобеспечения. Однако ясно, что в стратегическом отношении это неадаптивное и даже губительное для сообщества поведение, это поведение, ориентированное на индивидуалистические и конкурентные отношения, которые не могут быть жизнеспособными в условиях северного села ни по социальным, ни по экологическим причинам.

О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться или ликвидируется его отделение, расположенное в каком-то селе, его сообщество вынуждено переходить к совершенно иным моделям жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Горного Алтая.

Основу материальной жизни сел Горного Алтая составляет *автономная система жизнеобеспечения* на уровне каждой отдельной семьи, но не всего сообщества. Это очень ярко демонстрируют данные по структуре частного подсобного хозяйства. В таблице 2 представлены данные по площади сельскохозяйственных угодий, находящиеся в частном пользовании, и поголовью скота, приходящегося на среднюю семью и 1 человека. Приведенные численные значения крайне любопытны в том отношении, что они соответствуют аналогичным данным, которые мы обнаруживаем в летописях и исторических записях, касающихся организации крестьянского хозяйства северных районов Европейской России в XII — XIX вв. [5, 6, 8] или Центральной Франции и Южной Германии в XVI — XVII вв. [2]. Именно такие базовые характеристики материальной жизни — от 1 до 1,5 десятин пахотной земли, 1—1,5 га сенокосов и пастбищ, 1—1,5 головы домашнего скота на 1 человека — и являются, по-видимому, тем необходимым минимумом, который позволяет прокормить одну человеческую душу в умеренной зоне.

Следовательно, то, что мы видим сейчас в северных селах Горного Алтая — есть возврат к *самодостаточной и автономной материальной жизни*, жизни вне времени и вне цивилизации. Автономность семей внутри села ограничивается исключительно сферой материальной жизни (нельзя сказать — экономики); она вовсе не распространяется на социальную жизнь, напротив, она как бы способствует консолидации сельского сообщества. Автономность моделей жизнеобеспечения на уровне отдельных семей вызывает формирование определенной направленности социально-психологических механизмов. На Алтае это проявилось очень определенно и резко в направлении создания системы *местного сельского самоуправления*. Это повлекло за собой достаточно определенные практические шаги и сформировало психологическое единство людей, которые в большей степени, чем раньше, стали рассматривать себя как одно социальное целое, от жизнеспособности которого зависит и жизнеспособность каждого отдельного человека.

В противоположность ситуации, сложившейся в Горном Алтае, на поморском Русском Севере нет условий для развития общинного самоуправления и формирования соответствующего менталитета (хотя, казалось бы, что именно колхоз выступает основным субъектом самоуправления). Описанные выше психологические механизмы жизнеобеспечения в сильнейшей степени препятствуют этому. Примечательно, что многие респонденты говорят о желательности и даже необходимости местного сельского самоуправления, тем более, что эта потребность объективно подкрепляется отсутствием власти на местах и полной утратой авторитета в глазах колхозников власти областной и центральной. Однако при этом почти никто не представляет себе ни сути, ни формы местного самоуправления; для людей оказываются совершенно неизвестными экономические, политические и социальные условия формирования сельского самоуправления, не говоря уже о том, чтобы были предприняты практические шаги по его созданию. Общинное самоуправление предполагает социальное единство, но этому сейчас препятствует серьезнейшим образом сложившийся социально-психологический механизм жизнеобеспечения, индивидуально-ориентированная психология рантье.

Разрушение экономики на фоне социально-политического кризиса общества привело к таким явлениям, которых мы ранее не наблюдали и даже не допускали теоретически. Период, в который мы живем, есть на языке математики катастрофа. А всякая катастрофа предполагает одновременное возникновение двух или нескольких состояний, которые в обычных условиях не могут совпадать [9]. И вот сейчас в экономической жизни нашего сельского общества мы наблюдаем возникновение феноменов, которые теоретически — например, с точки зрения формационной теории — не могут существовать одновременно. Однако с другой точки зрения, которая конституировалась на базе европейской исторической психологии, подобная ситуация оказывается допустимой (см., напр. [2, 3]).

Материалы данного исследования являются эмпирическим подтверждением своего рода *социального закона*, выступающего в качестве контроверзы классической теории Маркса: общество содержит в себе, как в потенции, все многообразие формационных признаков, и в известные исторические моменты, именно в критические ситуации своей жизни, во времена переломов, эти признаки могут проявиться одновременно, независимо от того, соответствуют ли они общему направлению социального развития.

В нашем случае мы наблюдаем в рамках одного и того же общества, даже в пределах одного локального сообщества, как в результате кризиса формируются модели жизнеобеспечения, соответствующие в одном случае *вне-экономической* материальной жизни самого “примитивного”, архаического уровня, а в другом случае — модели жизнеобеспечения, присущие *капитализму*, экономике высшей, финансовой. И то и другое может уживаться в пределах одного села, а переход между ними может занимать не отведенные формационной теорией столетия, а всего лишь месяцы.

Благодарности

Статья подготовлена по материалам полевого социально-психологического исследования, осуществленного благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-18019). Автору в этой работе помогли В.М. Плюснин, магистр филологии В. Вильк и В.Е. Дмитриев.

Литература

1. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX- начале XX в. — Л.: Наука, 1983. — 233 с.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. — М.: Прогресс, 1992. — Т. 3. — С. 284-288.
3. Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993. — 124 с.
4. Демографический ежегодник России. Статистический сборник / Госкомстат России. — М., 1995. — 495 с.
5. Качоровский К.Р. Русская община. — Спб, 1900. — Т. 1. — 431 с.
6. Куза А.В. Малые города Древней Руси. — М.: Наука, 1989. — 168 с. 130-131.
7. Максимов С.В. Год на Севере. — Спб, 1901. — 608 с.
8. Разгон А.М. Сельское хозяйство крестьян Ивановской вотчины во второй половине XVIII века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — Сб. III. — С. 194 - 240.
9. Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. — М.: Мир, 1980. — 608 с. 228-230 518-519 особенно 533-536
10. Савельев Л., Потапов Л. Как живут народы Северного края. — М.-Л.: Гос. изд., 1928. — 76 с.